

Ю. К. Кузьменко

СААМСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Введение

В истории скандинавских языков можно различить две ясные тенденции. С одной стороны скандинавские языки развили многие черты, которые мы находим и в западногерманских языках. Большинство изменений такого типа связаны с заменой синтетических средств выражения грамматических значений аналитическими. Наиболее отчетливы эти изменения видны в датском, менее всего они проявляются в островных скандинавских языках. Однако в скандинавских языках, в отличие от других германских языков, появился ряд признаков, которых мы не встречаем в западногерманских языках. К таким признакам относятся развитие агглютинативных форм, таких как суффигированный определенный артикль, суффигированный пассив, суффигированное отрицание, следы которого в формах типа *aldrig*, *ikke*, *ingen* и т. п. сохранились во всех скандинавских языках. Именно сочетание аналитических и агглютинативных признаков является характерной чертой скандинавских языков, отличающей их от других германских языков. Кроме того, в общескандинавский период исчезли общегерманские безударные префиксы, сохраняющиеся во всех западногерманских языках¹. В шведском и норвежском ареалах развились к тому же и другие признаки, которые либо редко

---

¹ Префиксы в современных скандинавских языках появились из средненижнегерманского в ганзейскую эпоху.

встречаются, либо вовсе отсутствуют и в западногерманских языках, и в западном и южном ареале скандинавских языков, ср., например, удлинение согласных при удлинении слога или развитие очень редких в датском и отсутствующих в исландском сложных предлогов типа *bakom*.

Если развитие аналитизма в скандинавских языках соответствует развитию других германских языков, то агглютинативные признаки и ряд других изменений, в частности исчезновение префиксов, находят параллели в финноугорских языках. Возникает естественный вопрос о природе этих параллелей: являются ли они результатом случайного совпадения (иногда говорят и об общих тенденциях развития²), или эти сходства объясняются языковыми контактами?

Каким образом вообще можно отграничить параллельное развитие от изменений, обусловленных контактом? Существует ряд признаков, которые определяют приоритет предположения о контактной природе явлений. К таким признакам относятся: 1) сравнение с родственными языками; 2) возраст; 3) ареал и направление распространения; 4) синхронная и диахроническая инкорпорированность в языковую систему, т. е. синхронная функция и связь с другими изменениями; 5) наличие других контактных явлений, распространяющихся в том же направлении; 6) наличие сходных явлений в других языках, которые находятся в контакте с теми же или со структурно близкими языками. Естественно, что не во всех случаях удается использовать все эти признаки, однако если мы обнаруживаем соответствие по большинству параметров, а оставшиеся им не противоречат, можно предположить возможность влияния языковых контактов. В этом случае остается решить вопрос о 7) социолингвистической возможности заимствования или интерференции и, прежде всего, вопрос о возможности распространения результатов интерференции.

Представление о том, что скандинавские языки демонстрируют «явное приближение к финноугорскому языковому типу»³, обнаруживающееся, в частности, в появлении агглютинативных черт, было

---

² Слово «тенденция» является простым эвфемизмом для описания явления. «Тенденция к аналитизму» означает просто появление аналитизма, а «тенденция к просодическому выделению корневой морфемы» — просодическое выделение корневой морфемы. Употребляя термин «тенденция» мы ничего не объясняем, а просто пытаемся выдать описание за объяснение.

³ *Kylstra A. D. Zur Substratforschung // Orbis. 1967. Bd. 16. N 1. S. 113.*

высказано А. Д. Кильстрой в 1967 г. Однако ученый не назвал конкретных источников скандинавской агглютинации и в своих позднейших публикациях уже не упоминал агглютинативные тенденции в скандинавских языках, сосредоточившихся на некоторых фонетических соответствиях между саамскими и западноскандинавскими языками, фактически вернувшись к идее своего учителя Вагнера об общем неизвестном северо-западноевропейском субстрате в саамских, западноскандинавских и некоторых кельтских языках⁴. По-видимому, естественное предположение о возможности саамского влияния на скандинавские языки не возникло ни у Кильстры, ни у скандинавских ученых⁵ по причине предполагаемой социолингвистической невозможности распространения черт саамской интерференции, хотя возможность саамской интерференции в скандинавских языках саамов никем не оспаривается, и такая интерференция много раз описывалась в самых северных скандинавских диалектах⁶.

Попробуем вернуться к причинам структурного сближения скандинавских языков с финноугорскими языками исходя из вышепредложенных критериев определения контактных явлений.

2. Общескандинавские явления

В общескандинавский период (550–1050) можно обнаружить два типа явлений, которые могут быть интерпретированы как следствие саамской интерференции: прямое заимствование правил и реинтер-

---

⁴ *Wagner H.* Nordeuropäische Lautgeographie // *Zeitschrift für keltische Philologie*. 1964. Bd. 29; *Kylstra A. D.*: 1) Die Präaspiration im Westskandinavischen und im Lappischen // *Orbis*. 1972. Bd. 21. N 2. 1972; 2) Die skandinavisch-lappischen Parallelen // *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. 1982. Bd. 185.

⁵ Ср., напр., традиционное предположение скандинавистов об отсутствии саамского влияния на скандинавские языки: *Sköld T.* Die Kriterien der umordischen Lehnwörtern im Lappischen. Uppsala, 1961. S. 64; *Jahr E. H.* Norway // *Kontaktlinguistik* / Ed. by H. Goebel et al. Berlin, 1997. P. 943. — В новом двухтомном компендиуме по истории скандинавских языков финноугорское влияние на скандинавские языки определяется как «маловероятное»: *Koivulehto J.* Contact with non-Germanic languages II. Relation to the East // *Scandinavian languages* / Ed. O. Bandle et al. [Berlin,] 2002. P. 509–510.

⁶ Ср., напр.: *Bull T.* Samisk-nordisk språkkontaktforskning — eit statusøversyn // *The Sámi and the Scandinavians. Aspects of 2000 years of contact* / Ed. Ju. Kusmenko. Hamburg, 2004. S. 183–198.

претация скандинавских форм в соответствии с формами семантически сходных саамских форм. Первый тип интерференции затрагивает прежде всего фонетические изменения, второй — морфосинтаксические.

2.1. Прямая интерференция

2.1.1. Исчезновение приставок

В общескандинавский период исчезают исконные германские безударные приставки, прежде всего *be-*, *ge-*, сохраняющиеся в западногерманских языках до сих пор, и общескандинавский язык «предстает перед нами практически как беспрефиксный язык»⁷.

О былом существовании приставок в скандинавских языках свидетельствуют формы типа швед. *granne* (гот. *garazna*), в которых приставки, потеряв гласный, стали частью корня, и многозначность бесприставочных глаголов, включивших в себя значение глаголов с приставками⁸. Датировка исчезновения приставок связана с датировкой надписи старшими рунами из Рейстада (Норвегия), которую относят либо к концу V в., либо к началу VII в. и в которой еще сохраняется безударная приставка в форме *unnam* (*und-nam*) ‘научился’. Кристиансен датирует исчезновение приставок VII в., однако, если справедлива датировка надписи Марстрандером, приставки должны были исчезнуть не раньше VIII в., но и не позже IX в. (в надписях младшими рунами их уже нет).

Как известно, приставок нет не только в саамском, но и в других уральских языках, и эта черта является общеуральской. Предположение о возможной саамской интерференции⁹ кажется вполне вероятным не только потому, что саамское отсутствие приставок соответствует общеуральскому состоянию, т. е. намного старше, чем исчезновение приставок в скандинавских языках, и этого изменения нет в других германских языках, но еще и потому, что данное изменение находилось в соответствии с наиболее частотной германской просо-

---

⁷ *Christiansen H.* De germanske uaksentuerte prefixer i nordisk // *Norsk tidsskrift för sprogvidenskap.* 1960. Bd. 19. S. 342–343.

⁸ *Vorhof R.* Zur Entwicklung der echten germanischen Verbalkomposita im Altschwedischen. *Bremen,* 1905. S. 13–58.

⁹ *Kylstra A. D.* Zur Substratforschung. S. 121.

дической (хореической) моделью слова: ударный корень, безударный суффикс или окончание.

2.1.2. Преаспирация

Преаспирация — это отсутствие голоса при произнесении последней фазы гласного или сонорного согласного перед незвонкими смычными согласными, что акустически часто соответствует ларингальному щелевому. В скандинавском ареале преаспирация фонологически релевантна в исландском «мягком произношении», в фарёрском, в ряде шведских диалектов (в говоре Грэсё (Уппланд), в говоре Вемдалена (Хэрьедален), в части говоров Аландских островов), в некоторых западнонорвежских говорах¹⁰. В ряде областей преаспирация, видимо, превратилась в фонему /h/, как, например, в исландском и фарёрском, в других остается признаком согласного, как, например, в западной Норвегии. Фонологически иррелевантна, но обязательна преаспирация во многих шведских и норвежских диалектах. Фонологически иррелевантная факультативная преаспирация обнаруживается еще в большем количестве диалектов по всей Швеции и Норвегии, в том числе в южной Швеции, в городах Трондхейм, Ставангер и Стокгольм¹¹. В Дании преаспирации нет, но есть кратковокалический толчок в позиции преаспирации (т. е. перед исконными долгими незвонкими смычными) в древнедатских двусложных словах в Ютландии и на Фюне и в исконных односложных словах в Зеландии. Существуют разные предположения о природе связи датского кратковокалического толчка и преаспирации. Наиболее вероятным кажется предположение о превращении преаспирации в датский толчок¹². Если датский кратковокалический толчок перед исконными долгими глухими согласными действительно след преаспирации, то оказывается, что преаспирация распространена фактически по всей территории Скандинавии.

---

¹⁰ Подробное описание преаспирации см.: *Lieberman A.* Germanic Accentology. The Scandinavian Languages. Minneapolis, 1982; *Helgason P.* Preaspiration in the Nordic languages. Synchronic and diachronic aspects. Stockholm, 2002.

¹¹ Хельгасон отмечает, что «...преаспирация встречается в речи многих по всей Скандинавии...» (*Helgason P.* Op. cit. P. 94).

¹² См., напр.: *Page R.* On the Origin of Preaspiration in Scandinavian // *American Journal of Germanic Linguistics and Literature.* 1997. Vol. 9. N 2. — Подробное обоснование см.: *Kusmenko Ju.* Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Beitrag zu einer unkonventionellen skandinavischen Sprachgeschichte. Berlin. (В печати).

Преаспирация оказывается общескандинавским явлением, отсутствующим в других германских языках.

Хотя существуют разные предположения о возрасте преаспирации, чаще всего ее появление относят к общескандинавскому периоду¹³, т. е. ко времени появления инноваций, описанных выше. Как известно, во всех саамских языках, кроме инари-саамского, где преаспирация исчезла, есть преаспирация, причем везде она фонологически релевантна и интерпретируется в одних областях как особая фонема /h/, а в других — как признак согласного¹⁴. Преаспирация в саамских языках является важным признаком чередования ступеней. Существуют два предположения о возрасте саамской преаспирации. Одни относят ее к протоуральскому периоду (преаспирация сохраняется и в диалектах лесных ненцев, где она релевантна¹⁵, и в некоторых финноугорских языках, где она иррелевантна¹⁶), другие — к прото-саамскому периоду¹⁷. В обоих случаях саамская преаспирация оказывается старше скандинавской. Известны четыре предположения о соотношении саамской и скандинавской преаспирации. Ее рассматривают как наследие неизвестного западноевропейского субстрата и в скандинавских, и в саамских языках¹⁸, как параллельное развитие¹⁹, как скандинавское заимствование в саамские языки²⁰. Недавно моим учеником Михаэлем Рисслером было высказано предположение о возможности саамского влияния на скандинавские языки²¹. К его аргументации мне хотелось бы добавить дополнительные аргументы. Поскольку саамская преаспирация оказывается старше скандинавской

---

¹³ См., напр.: *Hansson Gunnar Ó*. Remains of a submerged continent. Preaspiration in the languages of Northwest Europe // *Historical linguistics 1999* / Ed. L. J. Brinton. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 197.

¹⁴ *Sammallahti P.* The Saami languages. An introduction. Karasjok, 1998. P. 55.

¹⁵ *Sammallahti P.* Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974. P. 21, 24.

¹⁶ *Kannisto A.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom quantitativen Standpunkt. Helsinki, 1919. S. XII–XIV.

¹⁷ *Sammallahti P.* The Saami languages. P. 191.

¹⁸ *Wagner H.* Op. cit.; *Kylstra A. D.* Die Präaspiration... S. 381–382.

¹⁹ *Ковкин В.* О некоторых сходных фонетических явлениях в скандинавских и финноугорских языках // VI науч.-метод. конф. по итогам научной работы за 1963 год: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1964. С. 78–79.

²⁰ *Posti L.* On the Origin of the Voiceless Vowel in Lapp // *Svenska landsmål och svenskt folkliv*. 1953–1954. Åg. 76–77. S. 199–209.

²¹ *Rießler M.* Präaspiration im Nordgermanischen // *The Sámi and the Scandinavians...* P. 199–213.

и существует и в других уральских языках, но отсутствует в других германских языках, поскольку она оказывается связанной с основным саамским морфонологическим средством чередованием ступеней, ее распространение предполагают из восточной Скандинавии (в Норвегии из Оппланда)²², и для скандинавской речи многих двуязычных саамов преаспирация характерна до сих пор, а также поскольку типологически преаспирация довольно редкое явление, предположение о саамском происхождении скандинавской интерференции вполне вероятно.

2.2. Реинтерпретация

2.2.1. Суффиксация определенного артикля

На первый взгляд в отношении выражения определенности между саамским и скандинавскими языками нет ничего общего. В саамском так же, как и в большинстве финноугорских языков, нет ни грамматической категории определенности, ни суффиксированных, ни свободно стоящих артиклей. Однако это отличие оказывается чисто внешним. Если мы обратим внимание на одно из значений суффиксированного артикля в скандинавских языках, то увидим, что оно полностью соответствует значению посессивного суффикса в финноугорских языках; ср., напр.: швед. *han har brutit benet* ‘Он сломал ногу’; фин. *hän on murtanut jalkansa*; саам. *son lea doadján juolgis*. Посессивность и определенность имеют много общих семантических компонентов, что можно легко заметить при переводе с языка с посессивным склонением на язык с определенным артиклем, и наоборот. Если мы обратимся к истории суффиксации в скандинавских языках, то заметим, что первые ее случаи в шведских рунических надписях XI в. и многие случаи ее употребления в древнескандинавских рукописях, где еще нет грамматикализации определенного артикля, поскольку нет регулярного употребления *-inn* в значении определенного артикля, также имеют посессивное значение. Вторым сходным моментом в употреблении посессивных суффиксов в финноугорских языках и первых случаях суффиксации в древних скандинавских языках оказывается эмфатическая функция. В древних скандинавских языках суффиксация оказывается прежде всего вы-

---

²² *Storm J. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken // Norvegia. 1908. Bd. 1. S. 150.*

ражением эмфазы²³. Поссесивное спряжение в финноугорских языках является показателем эмфазы также во многих случаях. Кроме того, поссесивные суффиксы в финноугорских языках могут терять поссесивную функцию и приобретать значение, соответствующее современному значению определенного артикля.

Если мы обратимся к упомянутым выше критериям, то обнаружим, что в пользу предположения о саамском влиянии на скандинавскую суффиксацию *-inn* свидетельствует следующее:

- почти полное совпадение семантики форм с суффиксированным *-inn* в древних скандинавских языках семантики финноугорских поссесивных суффиксов;
- существование поссесивного спряжения во всех уральских языках, в части которых оно развилось в детерминативно-поссесивное спряжение (как в Коми), и отсутствие суффиксации показателя определенности в западногерманских языках;
- большую древность поссесивного спряжения в саамском, которое относят к протоуральскому периоду;
- раннее появление суффиксации в Упланде и распространение суффиксации *-inn* с севера на юг (ср. отсутствие суффиксированного артикля в южно- и западнонорвежских диалектах)²⁴.

Возможность влияния саамского поссесивного склонения на суффиксацию показателя поссесивности и эмфазы, который впоследствии грамматикализовался в скандинавских языках как определенный артикль, становится еще более очевидной, если мы обратим внимание на то, что суффиксация определенного артикля или протоартикля происходит в тех индоевропейских языках (языки балканского языкового союза, армянский, восточно-индоарийские и некоторые иранские языки, а также севернорусские диалекты), которые находятся или находились в контакте с языками с поссесивным склонением²⁵.

Модель саамской интерференции могла выглядеть так: исконное указательное местоимение в постпозиции с эмфатической и поссесивной семантикой было реинтерпретировано саамами в их сканди-

---

²³ Шпренгер, исследовавшая функцию суффиксации *-inn* в древнеисландском, называет *-inn* «эмфатическим артиклем»: *Sprenger U. Untersuchungen zum Gebrauch von *sá* und nachgestelltem *inn* in der altisländischen Prosa. Basel; Stuttgart, 1977. S. 215, 267–269.*

²⁴ На западе и юге Ютландского полуострова распространен не суффиксированный, а свободно стоящий определенный артикль.

²⁵ *Kusmenko Ju. Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // Актуальные вопросы балканского языкознания / Ред. А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков. СПб., 2003.*

навском языке как суффикс, соответствующий саамскому посессивному суффиксу, т. е. общескандинавское словосочетание *bein (h)it*, прежде всего в форме аккузатива, превратилось в скандинавском языке саамов в одно слово с суффицированным показателем эмпазы и посессивности, т. е. *bein (h)it > beinit*, в соответствии с саамским *juolgis*. Из языка двуязычных саамов суффицированная форма попала в собственно скандинавские диалекты и распространилась на юг Скандинавии²⁶.

2.2.2. Суффиксация -s(k)

Другая агглютинативная черта скандинавских языков это суффиксация исконного возвратного местоимения -s(k), которая, судя по руническим надписям и скальдической поэзии, также произошла в общескандинавский период. Таким образом в скандинавских языках сложилась уникальная для индоевропейских языков ситуация противопоставления рефлексивных форм пассивным формам, исторически также восходящим к рефлексивным формам; ср., напр.: швед. *tvätta sig* (рефлексив) — *tvättas* (пассив). Пассивное значение и возможность агенса у формы на -s(t) развилось не во всех скандинавских языках в одинаковой степени. Наиболее далеко зашло развитие в шведском, где суффикс -s с пассивным значением возможен во всех временных формах. Почти нет пассивного значения в исландском, сохраняющем семантику форм на -s(k) древних скандинавских языков, где фактически невозможны формы на -s(k) с агенсом. Значение этих форм оказывается медиальным, т. е. они обозначают действие, происходящее как бы само по себе, без участия агенса. Причем уже в древних скандинавских языках, несмотря на возможность факультативного употребления некоторых форм и с возвратным местоимением, и с суффиксом -s(k), форма с суффицированным -s(k) семантически противопоставлялась форме со свободностоящим возвратным местоимением; ср., напр. др.-исл. *farask* ‘погибнуть’, *fara sér* ‘совершить самоубийство’, *meiðask* ‘пораниться’, *meiða sik* ‘нанести себе рану’, *þvásk* ‘мыться’ (медиа.) — *þvá sér* ‘мыться’ (рефлекс.).

Если мы сравним саамское глагольное словообразование с древнескандинавским в том, что касается передачи залоговых значений,

---

²⁶Подробнее о суффиксации см.: *Kusmenko Ju. Die Ursachen der Suffigierung des bestimmten Artikels in den skandinavischen Sprachen // Язык и речевая деятельность. 2001. Т. 4. № 1.*

то обнаружим значительное сходство. Это сходство касается основного медиального значения синтетических залоговых форм и, соответственно, отсутствия агенса, а также противопоставления рефлексива медию; ср.: сев.-саам. *rahpasit* ‘öppnas’ — *basadit* ‘tvätta sig’ или *soavdit* ‘befria sig’, *soavdásit* ‘befrias’. В саамских языках есть несколько суффиксов с залоговым значением, один из них считается словоизменятельным (т. е. утверждается наличие грамматической категории залога), другие — словообразовательными. Несмотря на то что у них есть некоторые отличия в семантике, основная их функция — скрытие агенса. Особый интерес представляет для нас суффикс *-si(t)*, который, в отличие, например, от суффикса грамматического пассива, имеющего разный вид в саамских языках (ср.: юж.-саам. *-lgi(dh)*, сев.-саам. *-juv'vo(t)*), есть не только во всех саамских языках, но и со сходным значением в ряде других финноугорских языков (в вепском, ливском, ряде карельских дивлектов и в коми-пермяцком), что может свидетельствовать о его общефинноугорском происхождении. Значение саамского суффикса *-si(t)* часто соответствует значению суффикса *-s(t)* в современных скандинавских языках (ср., напр.: сев.-саам. *dahpat* — *dahpasit*, швед. *stänga* — *stängas*, *rahpat* — *rahpasit*, швед. *öppna* — *öppnas*), но еще в большей степени он соответствует значению суффикса *-s(k)* в древних скандинавских языках.

Обращаясь к нашим критериям, мы обнаруживаем не только структурное сходство между древними (и частично современными скандинавскими языками) и саамскими языками, но и большую древность синтетической передачи залоговых значений в финноугорских языках, чем в скандинавских языках. Что касается вопроса о направлении распространения этой инновации, то в данном случае у нас нет таких явных указаний на продвижение подобных форм с северо-востока на юго-запад Скандинавии, как это было в случае с суффиксацией *-inn*. Однако тот факт, что в шведском языке формы на *-s* развиты гораздо больше, чем в датском и исландском, может свидетельствовать о том, что в шведском они появились раньше.

Модель изменения в значительной степени соответствует предыдущей модели. Энклитические варианты возвратных местоимений при глаголах с медиальным значением (ср. др.-исл. *orpnask*) были реинтерпретированы в общескандинавском языке саамов как суффиксы (ср. сев.-саам. *rahpasit*). Причем саамская интерференция способствовала не только суффиксации, но и грамматикализации противопоставления медию рефлексиву, поскольку в саамском эти

значения выражаются разными суффиксами (si(t) vs di(t)). Фонетическое сходство саамского суффикса -si(t) с энклитическим вариантом скандинавского возвратного местоимения -s(k) также способствовало такой реинтерпретации.

2.2.3. Суффиксация отрицания

В то же время, что и суффиговый медий, в скандинавских языках появляется суффиговое отрицание. В древнеисландском для выражения общего приглагольного отрицания употребляются суффикс -a/at, приименное и придвербиальное отрицание выражается суффиксом -gi/-ki, ср.: hornigi (Háv. 49) ‘не рог’, aldrigi ‘никогда’, eigi ‘не’ (первоначально ‘никогда’), ekki (< eitt-ki) ‘не’ (первоначально ‘ничто’) eingi, einginn ‘никто, ничто’ и т. п. Суффиговое общее отрицание в скандинавских языках исчезло, а следы суффикса -gi/-ki сохраняются во всех скандинавских языках до сих пор (ср. формы типа ikke и aldrig).

Суффиговое отрицание нехарактерно не только для других германских языков, но и для других индоевропейских языков. В саамском, так же как в других финноугорских языках, отрицание выражено аналитической конструкцией, состоящей из финитной формы так называемого отрицательного глагола и особой неизменяемой отрицательной формы основного глагола (ср., напр., сев.-саам. bogat ‘есть’; ii bora ‘он (она) не ест’). В саамских языках инфинитная форма глагола может иметь разные окончания (borak, borat, borah, boga)²⁷. Именно неизменяемая саамская отрицательная глагольная форма и могла быть источником общескандинавского суффикса общего отрицания -a(t). Общескандинавские отрицательные конструкции с усилением отрицания, состоящие из отрицания ne, глагольной формы и усилителя отрицания, которое в редуцированной форме могло выглядеть как a(t)²⁸, сопоставлялось саамами с саамской конструкцией, состоящей из отрицательного глагола, который фактиче-

²⁷ Korhonen M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung II. Helsinki, 1974. S. 50–63.

²⁸ Источником общескандинавской формы -a считается либо наречие «всегда» (*aiw > *au > a), либо форма исконного числительного «один», -at также считается редуцированной формой числительного «один» (*ainata > at). См., напр.: Brate E. Västmannalagens Ijudlära. Stockholm, 1887; Mourek V. E. Zur altgermanischen Negation. Die Negation in der älteren Edda // Sitzungsberichte der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie. 1905. Bd. 8. S. 1–23.

ски выполнял роль отрицательной частицы, и инфинитной формы глагола, суффикс которого соответствовал редуцированной форме усилителя отрицания в скандинавских языках. То есть скандинавская форма типа *ne drikk-a(t)* ‘не пьет (никогда или ничего)’ сопоставлялась с саамской формой типа *ii bog-a(t)*²⁹ ‘не пьет’. Таким образом, редуцированные варианты скандинавских усилителей отрицания были интерпретированы в скандинавском языке саамов как суффиксы в соответствии с суффиксами инфинитной формы глагола в саамской отрицательной конструкции. Естественно, что и в данном случае, как и в случае с суффиксацией *-s(k)*, фонетическое сходство скандинавских постпозитивных усилителей (*-a, -at, -t*) с саамскими суффиксами (*-a, -a(t), a(h)*) благоприятствовало такой реинтерпретации. После того как исконные усилители отрицания переняли функцию отрицания, отрицательная частица *ne* отпала, функцию показателя общего отрицания стали выполнять суффиксы *-a, -at, -t*.

Аналогичным образом суффиксация усилительной частицы *ge* (этимологически родственной русскому *же*) в общескандинавский период также может быть связана с саамским влиянием. В богатом частицами саамском есть и усилительная частица *ge*, которая выступает как суффикс в местоимениях и наречиях в отрицательных и вопросительных предложениях. Интересно, что распределение древнеисландских отрицательных суффиксов, *-a(t)* с глаголами, *-gi* с именами и наречиями, соответствует распределению саамского глагольного суффикса */a-t/, /a-h/, /a-0/* и местоименного и наречного суффикса *-ge*³⁰.

2.3. Шведско-норвежские явления

К саамской интерференции в общескандинавский период в северо-восточном скандинавском ареале, т. е. в шведском и норвежском, добавляются новые признаки саамской интерференции, которые распространились, видимо, позже признаков, описанных выше. Некоторые из этих признаков характерны и для шведской, и для обеих

²⁹ Более ранняя форма *bog-at* сохраняется в ряде саамских диалектов, см. выше.

³⁰ Подробнее о суффиксированном отрицании см.: Кузьменко Ю. К. О появлении суффиксированного отрицания в древних скандинавских языках // *Philologica Scandinavica*: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2003.

норвежских литературных норм, однако большинство из них характеризуют восточнонорвежские и центральношведские диалекты.

2.3.1. Прямая интерференция

2.3.1.1. Баланс и уподобление гласных, удлинение согласных

К диалектным признакам относятся баланс гласных, качественное выравнивание и удлинение согласных. Эти признаки характерны для северо-восточного скандинавского ареала и характеризуют прежде всего восточнонорвежские, центрально- и северношведские диалекты. Связанные функционально баланс гласных и выравнивание определяются разной судьбой исконных долгосложных и исконных краткосложных слов. Сохраняющийся в некоторых архаичных диалектах баланс гласных с удлинением закорневого гласного после краткого слога имеет соответствие во многих саамских диалектах; ср.: норв. диал. *viku*: (др.-исл. *víku*), *neve*: (др.-исл. *hnefi*), *biti*: (др.-исл. *biti*) и сев.-саам. *riđā* (генетив/аккузатив от *riht:ta*), *mañū* (генетив/аккузатив от *man:nu*), *dilī* (генетив/аккузатив от *dil:li*)³¹. Соответственно, скандинавское уподобление повторяет южносаамскую метафонию (ср., напр.: юж.-саам. *bissij* (сев.-саам. *bassii*), *kæstuk* (сев.-саам. *gassut*), *büühtov* (сев.-саам. *boaktiv*), *männå* (сев.-саам. *mannå*) и сев.-вост.-сканд. диал. *firi* (< *farit*), *lædu* (< *ladu*), *tållå* (< *tala*))³².

В большинстве случаев мы находим прямые саамские соответствия подобным явлениям и отсутствие сходных изменений в других германских языках. Что касается сравнения возраста подобных явлений, то оказывается, что и саамское выравнивание, и саамское удлинение после краткого слога оказываются старше соответствующих скандинавских изменений, которые датируются XIII–XVI вв. Во многих областях баланса гласных и уподобления существует абсолютно незнакомое западно- и южноскандинавскому ареалу удлинение согласных в исконных двусложных краткосложных словах. Такое удлинение наиболее последовательно прошло в Трёнделаге, где оно является правилом (ср., напр., формы типа *borra*, *tållå*, *vukku*, *våttå* и

³¹ Подробнее о балансе гласных см.: Кузьменко Ю. К. Происхождение баланса гласных в шведских и норвежских диалектах // Скандинавская филология. К 90-летию со дня рождения С. С. Масловой-Лашанской / Отв. ред. Б. С. Жаров. СПб., 2006. С. 31–47.

³² Подробнее о связи скандинавского уподобления с саамской метафонией см.: Кузьменко Ю. К. Скандинавский умлаут > саамская метафония > скандинавское выравнивание // Скандинавская филология VII / Ред. Б. С. Жаров. СПб., 2004.

др.-исл. *bora, tala, viku, vita*), очень сильно оно и в свейских диалектах, особенно на северо-западе Уппланда³³. В шведской литературной норме мы находим также много случаев удлинения согласного в тех случаях, когда в датском или в исландском происходит удлинение гласного, характерное и для других германских языков (ср.: швед. *vecksa*, но исл. *vika*, дат. *uge*, нем. *Woche*, англ. *week*).

Северовостоноскандинавское удлинение согласных оказывается типологически очень редким явлением, однако оно находит соответствие в саамском удлинении согласных при чередовании ступеней. Почти в каждом северносаамском существительном и в каждом глаголе простой интервокальный согласный чередуется при чередовании ступеней с долгим согласным или даже с долгой геминатой³⁴, см., напр.: *namma* ‘имя’ — *nama* (род./вин. п. ед. ч.) — *namat* ‘имена’; *borrat* ‘есть’ — *boran* ‘ем’; *s’ohkka* ‘гора’ — *s’ohkat* ‘гóry’; *dahppat* ‘закрывать’ — *dahpan* ‘закрываю’; *dáhttut* ‘хотеть’ — *dáhtun* ‘хочу’. В южносаамском нет чередования ступеней. Здесь, как правило, генерализовался долгий согласный. В ряде скандинавских диалектов мы тоже встречаем чередования долгого и кратко согласных, однако эти формы оказываются факультативными.

Модель интерференции во всех трех случаях была одинаковой: появление интерферентных форм в скандинавском языке саамов и их распространение в собственно скандинавские диалекты. О том, что формы с интерференцией были возможны в скандинавских языках саами, свидетельствуют и формы современной интерференции, и, прежде всего, скандинавские заимствования в саамский язык, которые показывают нам, как выглядели скандинавские формы в скандинавских языках саами.

2.3.2. Реинтерпретация

2.3.2.1. Появление сложных предлогов

В шведском и норвежском языках мы находим огромное количество сложных предлогов, состоящих из исконного наречия и предлога (ср., напр.: швед. *utifrån, utmed, utefter, utom, inifrån, inåt, inom, upprifrån, uppåt, uppemot, uppför* и т. п.). Судя по норвежскому слова-

³³ Подробнее об удлинении согласных см.: *Kusmenko Ju. Varifrån kommer konsonantförlängningen i svenska och norska dialekter // Kors och tvärs i nordstiken / Red. Ju. Kusmenko, S. Lange. Berlin, 2000. S. 120–132.*

³⁴ В саамских языках фонологически различаются долгие согласные и долгие геминаты.

рю, в норвежских диалектах их около ста³⁵. В шведской литературной норме их около шестидесяти³⁶. В норвежских диалектах мы находим, например, 17 сложных предлогов с *fram*-³⁷, в словаре риксмола зафиксированы 7 из них³⁸, в шведской литературной норме — 8³⁹, в датской литературной норме — только один (*fremfor*). В исландском фактически нет сложных предлогов такого типа, а в датском их два (*fremfor* и *forbi*)⁴⁰, один из которых заимствован из немецкого. Семантически многие из сложных предлогов сохраняют двухфокусность. Первая их часть актуализует место (впереди, позади, вверху, внизу, посередине, внутри или снаружи предмета), а вторая указывает направление движения или местонахождение (вдоль, в, к, из и т. п.). Многие сложные предлоги сохраняют свою семантическую двухфокусность, однако некоторые из них не только утратили один семантический фокус, но и изменили форму, перестав быть составными (ср., напр.: *på* < < *urrå* < *urrå*, первоначально имевший значение «наверху на»⁴¹ и означающий теперь просто «на»).

В других германских языках составные предлоги возможны, однако очень редки. В немецком их вообще нет (источник датского *vorbei* является в немецком только наречием). В английском есть небольшая группа сложных предлогов (*within*, *without*, *within*, *upon*, *onto*, *into*), однако, во-первых, они структурно отличаются от шведских и норвежских предлогов, поскольку состоят из двух предлогов, а во-вторых, их количество не идет ни в какое сравнение с количеством сложных предлогов в шведском и норвежском.

Источник продуктивности и модель шведских и норвежских сложных предлогов можно также обнаружить в саамских языках. В наиболее грамматически архаичном из них, южносаамском, существуют семантически двухфокусные послелогии и предлоги, этимологически

---

³⁵ *Norsk Ordbok. Ordbok över det norske folkemålet och det nynorske skriftspråket utgjeven av det norske samlaget (NO)*. Oslo, Bd. 1–4.

³⁶ *Norstedts stora svenska ordbok*. Stockholm, 1995.

³⁷ *NO. Bd. 3 / Red. R. Bø, A. Hageberg, L. Killingbergtrø, S. Nordlie, G. Pedersen*. Oslo, 1994. S. 571–680.

³⁸ *Norsk riksmålsordbok, utgitt av Det Norske Akademi for sprog og Litteratur. Utarbeidet av Trygve Knudsen og Alf Sommerfelt. Bd. 1 (2)*. Oslo, 1937. S. 1337–1351.

³⁹ *Ordbok över svenska språket utgiven av Svenska akademien (SAOB)*. Bd. 18. Lund, 1926. S. 1291–1395.

⁴⁰ В датском языке тоже есть много форм типа *bagom*, состоящих из наречия и предлога. Однако эти формы употребляются только как наречия.

⁴¹ *Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok*. Malmö, 1980. S. 801–802.

представляющие собой существительное, обозначающее место (место впереди, сзади, внизу, в середине, снаружи, внутри), в соответствующем падеже, который обозначает направление движения или более точное местонахождение. Известно разное количество подобных послелогов. Со значением первой части «место внутри» их три: *sijste* ‘внутрь в’, *sisnie* ‘внутри в’, *sistie* ‘изнутри из’; со значением первой части «место сзади» их четыре: *duakan* ‘назад в’, *duekste* ‘сзади из’, *duekesne* ‘сзади в’, *duekiem* ‘сзади вдоль’, и со значением «место внизу» пять: *nualan* ‘вниз в’, *nuelesne* ‘внизу у’, *nueleste* ‘изпод’, *nueliem* ‘внизу, двигаясь взад-вперед вдоль’, *nuelieh* ‘внизу, появляясь время от времени’. Мы видим, что, несмотря на то что южносаамские послелогов могут передавать более детальные отношения, чем шведские и норвежские сложные предлоги (ср. два последних примера), в основной своей массе их значение соответствует значению шведских и норвежских сложных предлогов. В данном случае мы так же, как и в случае с формой на *-sit*, не можем найти более совершенного способа перевода саамских двухфокусных предлогов, чем их переводы на шведский или норвежский (ср.: *sijste* — *inåt*, *sistie* — *inifrån*, *sisnie* — *inom*; *uvte* — *framåt*, *åvteste* — *framifrån*; *åvtesne* — *framfö* и т. п.).

Структурное сходство может быть следствием саамской интерференции. Саамские послелогов имеют соответствия во всех финноугорских языках и оказываются старше, чем шведские и норвежские сложные предлоги. Скандинавские сложные предлоги фактически не имеют соответствия в западногерманских языках. Кроме того, очевидно их распространение с севера на юг. Все это делает возможным предположение о саамской интерференции в шведском и норвежском языках.

Можно предположить такую модель интерференции. Скандинавские сочетания наречия с предлогом типа *gå ut från...*, *komma in i* могли интерпретироваться саамами как единые формы, соответствующие исконным падежным формам послелогов. Вторым источником могло быть прямое калькирование саамских послелогов в шведский и норвежский с первоначальным сохранением их послеложного характера. Постпозиционное употребление сложных предлогов было возможным в шведском еще в XIX в., ср., напр.: *De få människor jag såg komma gatan framåt voro alla söndagsklädda*⁴².

⁴² SAOB. F. S. 1394.

Типологическим подтверждением связи продуктивности двухфусных предлогов в шведском и норвежском языках с саамско-скандинавскими контактами может служить развитие сложных предлогов в северных диалектах русского языка, ставших продуктивными в результате контактов с финноугорскими языками⁴³ (в Коми, в частности, очень много послелогов такого типа). Не исключено, что сложные предлоги в самых южных русских диалектах связаны с тюркскими и кавказскими послелогоми.

3. Возможность распространения продуктов саамской интерференции

Используя приведенные выше критерии интерференции, можно доказать, что многие особенности скандинавских языков и в еще большей степени особенности их северо-восточного ареала могут интерпретироваться как продукты саамской интерференции. Однако мы показали только, что такая интерференция могла происходить в скандинавских языках саамов. Остается ответить на главный вопрос любого исследования языковых контактов: возможно ли представить себе принятие признаков саамской интерференции скандинавами в области саамо-скандинавских контактов и дальнейшее распространение этих признаков в другие скандинавские области? Для распространения черт саамской интерференции были необходимы два условия — структурное соответствие или по крайней мере отсутствие структурного противоречия между интерферентными чертами и соответствующими скандинавскими чертами и, что намного более важно, социолингвистическая возможность принятия и распространения признаков интерференции в одноязычном скандинавском обществе. Ведь именно предполагаемый низкий престиж саамов во все времена априори считался препятствием для любого саамского влияния на скандинавский язык.

Однако в последние десятилетия историки и археологи показали, что представление о низком престиже саамов можно отнести только ко второй половине второго тысячелетия. В тот период, который мы

---

⁴³ Venkeer W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. S. 140. В русской литературной норме есть только два сложных предлога — *из-за* и *из-под*.

называем общескандинавским, и в первые века второго тысячелетия отношения между саамами и скандинавами были другими и область распространения саамов была другой. В Швеции она доходила до Уппланда, а в Норвегии — почти до Осло. Историки и археологи говорят о значительной степени «культурной креолизации»⁴⁴ в области саамо-скандинавских контактов и культурном симбиозе⁴⁵. Древнезападноскандинавская литература также свидетельствует не только об оживленных контактах, но и о высоком статусе саамов в древнескандинавском обществе⁴⁶. Саамы были друзьями и советчиками известных скандинавов. Судя по сагам, даже шведские и норвежские конунги в языческие времена могли иметь саамских жен. То, что саамы с таким уважением («med respekt») описывались в древнескандинавской литературе, послужило в начале XX в. основанием предположить, что *finna* древнезападноскандинавской литературы не могли быть саамами, поскольку саамы, «...как теперь, так и раньше должны были быть предметом презрения со стороны норвежцев»⁴⁷. Простая мысль о том, что отношение скандинавов к саамам могло измениться, не пришла в голову ни Хансену, ни его последователям во второй половине XX в.⁴⁸

Историки и археологи показали, что культурное влияние в Скандинавии было не таким односторонним, как об этом думали раньше. Мы наблюдаем не только скандинавское влияние на саамскую культуру, но и саамское влияние на скандинавскую культуру, в том числе на религию и мифологию⁴⁹. Все это позволяет предположить, что не было никаких препятствий для распространения продуктов саамской интерференции и в собственно скандинавские диалекты саамо-скан-

---

⁴⁴ *Hansen L. I., Olsen B.* Samenes historie fram til 1750. Oslo, 2004. S. 107.

⁴⁵ *Zachrisson I.* Möten i gränsland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. Stockholm, 1997. S. 139.

⁴⁶ *Pålsson H.* The Saami People in Old Norse Literature // Nordlit. 1999. Bd. 5; *Mundal E.* Coexistence of Sami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths // Old Norse Myths: Litterature and Society. International Saga Conference. Sydney, 2000. P. 346–355.

⁴⁷ *Hansen A. M.* Oldtidens Nordmænd. Ophav og Bosætning. Kristiania, 1907. S. 134.

⁴⁸ См., напр.: *Sandnes J.* Om samenes utbredelse mot sør i eldre tid // Historisk tidsskrift. 1973. Bd. 52. S. 113–137.

⁴⁹ *Strömbäck D.* Sejd. Textstudier i nordisk religionshistoria. Stockholm, 1935; *Mundal E.* Op. cit.; *Kusmenko Ju.* Jätten Thjazi och det samiska elementet i nordisk mytologi // Sápmi Y1K — Livet i samernas bosättningsområde för ett tusen år sedan / Red. A. Amft; M. Svonni. Umeå, 2006. S. 11–28.

динавской контактной зоны, а оттуда и в другие области Скандинавии. Нет ничего удивительного, что в шведском и норвежском языках продуктов саамской интерференции оказывается больше, чем в датском и исландском, а в северо-восточном скандинавском ареале шведского и норвежского языков этих продуктов оказывается еще больше, чем в юго-западном. Все сказанное выше свидетельствует о том, что традиционное представление о том, что, несмотря на продолжавшиеся с момента образования скандинавских языков контакты с саамскими языками, они не оказали фактически никакого влияния на скандинавские языки, очень далеко от истины. Скорее верно обратное. Именно контакты с саамским в значительной степени определили особое, по сравнению с другими германскими языками, развитие скандинавских языков.